

СООТНОШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И ПРЕДЕЛЬНОГО В КОНЦЕПЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ М. ФУКО

Ишменев Евгений

студент факультета политологии и социологии УрГУ

Обращаясь к рассмотрению понятия идентичности, так или иначе важным является показать, какое положение по отношению к нему занимает понятие индивидуального. Это становится тем более актуальным, когда в рамках современной философии власть все чаще отождествляется с языком, а формирование идентичности связывается с воздействием власти. Получается, что если мы признаем наличие в человеке некоторой особенной индивидуальной составляющей, то ее выражение всегда обращается к языку, который приходит извне. Таким образом, возникает проблема подчинения индивидуального дискурсу власти.

По мнению М. Фуко, обращение индивида к некоторому языку власти приводит к тому, что этот индивид сам становится властью. В этом можно увидеть дуализм власти Фуко, представленный в «техниках подчинения» и «техник себя». Власть в данном случае уже не столько основывается на насильственном принуждении, сколько на тех процедурах, которые предписываются индивидам, чтобы фиксировать их идентичность, ее сохранять или изменять соответственно определенному числу целей. Связано это со специфическим отношением современной власти и знания: нет отношений власти без установления соответствующего поля знания, нет и знания, которое не предполагало бы и не конституировало бы в то же время отношений власти. В этом смысле контроль власти

заключается в познании и изучении, а не в каком-то насильственном подавлении. Другое дело, что если язык власти и стремится к познанию, то какое положение в этом познании занимает индивидуальное? Ряд последователей Фуко, определяя индивидуальное, сосредотачивают свое внимание на психической составляющей субъекта, подверженного воздействию власти. Так исследовательница Дж. Батлер указывает на специфический характер той психической нормы, которая устанавливает социальную власть. «...Социальные категоризации, учреждающие уязвимость субъекта перед языком, сами уязвимы как перед психическими, так и перед историческими переменами». ¹ Таким образом, акцент здесь, во-первых, делается на специфику некоторой индивидуальной психики, которая характеризует отличие, а во-вторых, на постоянно изменяющийся характер власти. Воздействие власти на индивида, по Батлер, провоцирует последнего, с одной стороны, на сопротивление, а с другой стороны, на восстановление этой власти. Человек здесь пытается достичь пределов воздействующей власти, а затем трансформировать ее. Сам Фуко не уделяет столь пристального внимания психической составляющей власти, однако идея сопротивления как достижения предела власти у него присутствует.

Если конституирование индивида как власти осуществляется через обращение к дискурсу власти, то стоит прояснить, что Фуко понимает под дискурсом. Дискурс у Фуко трактуется не как способ организации отношений между «словами» и «вещами», сколько как установление, характеризующее режим существования объектов. «Задача состоит не в том, чтобы рассматривать дискурсы как совокупности знаков (то есть означающих элементов, которые отсылают к содержаниям или к представлениям), но в том, чтобы рассматривать их как практики, которые систематически образуют объекты, о которых они говорят». ²

Язык обладает способностью постоянно уточнять видимое, причем, это отношение видения и говорения возможно только посредством обращения к сфере власти. Каждая конкретно взятая сила обладает способностью быть увиденной и способностью говорить. Взаимоотношение сил находится здесь не вне знания, а выступает внешними по отношению к ним. Власть порождает познающего, способы познания и само познаваемое.

В связи с этим Фуко указывает на два способа организации сознания себя. Первый заключается в отождествлении индивида с навязываемым языком власти. Здесь люди представляют собой «исторически определенных существ», при этом субъекты не выступают условиями возможности опыта. Второй отталкивается от того, что всякая культура представляет собой предел, в задачу индивидуального же входит рефлексия механизмов, позволяющих тематически концептуализировать возможные в этих пределах дискурсивные практики. В этом можно обнаружить критику классической философии о прозрачности сознания для самого себя, а мира для человеческого сознания. По Фуко, сознание и мир являются скрытыми в исторических дискурсивных практиках, индивидуальное же, в свою очередь, должно выражаться в обнаружении оснований этих дискурсивных практик.

Представленный анализ дает возможность увидеть своеобразие и специфику прошлых состояний культуры и знания, что позволяет преодолеть такие понятия как «традиция», «эволюция», «дух», которые предполагают изначальное встраивание «единичностей» в некие предзаданные целостные ряды. Таким образом, навязываемый индивиду язык должен рассматриваться как множественность, состоящая из лексики, опыта, воображения, бессознательного автора, а также тех исторических условий, в которых он существует.

Нужно признать, что все эти единства не являются непосредственно данными, а установлены посредством некоторой интерпретации. Поэтому язык в этом контексте должен быть рассмотрен как нечто многоуровневое и разорванное; в нем могут быть представлены как глубинные, так и осадочные структуры, которые создают проблему «квазиочевидности» и чреваты подчинением индивидуального. В отличие от анализа истории идей, где движение происходит от прошлого к настоящему, здесь мы двигаемся в обратном направлении, пытаемся определить, «почему такие высказывания возникают именно здесь, а не где-либо еще».

По сути, метод, представленный Фуко, сводится к поиску условий, в которых проявляется дискурс и, в то же время, выявление той составляющей языка, благодаря которой его признают и подчиняются ему. «Основной вопрос такого анализа можно сформулировать так: в чем состоит тот особый вид существования, которое раскрывается в сказанном и нигде более?».³

Возвращаясь к рассмотрению власти, необходимо указать, что когда Фуко разрабатывает свою единицу дискурса «высказывание», то он подчеркивает, что последнее никогда не представлено в единственном числе. У каждого высказывания есть своя ассоциированная область. Как и в отношении сил власти, где всякая сила возможна через противопоставление другой силе (способность

оказывать воздействие \ испытывать воздействие), нет высказываний, которое не предполагало бы других высказываний; вокруг которого не было бы поля сосуществований. В проявлении же индивидуального необходимым оказывается рассмотрение способа сцепления высказываний между собой. В связи с этим возникают следующие вопросы: 1) кто говорит; 2) в соответствии с какой институционализированной областью; 3) какова позиция говорящего относительно различных областей и групп объектов.

Когда Фуко занимается рассмотрением так называемой дискурсивной формации, то обращает внимание на множественность концептов, которые в ней представлены. Однако это не означает, что задача исследователя - просто отслеживать наличие этих концептов. По Фуко, необходимо выйти на *доконцептуальный* уровень, подчиняясь правилам которого различные концепты могут сосуществовать в одном поле. Доконцептуальный уровень позволяет выявить закономерности и принуждения, которые очерчивают распределение множества концептов. Посредством выхода на доконцептуальный уровень оказывается возможным определить те темы и теории, которые задают соответствующую стратегию власти. Именно выявление стратегий властных отношений позволяет увидеть точки несовместимости объектов высказываний, точки эквивалентности (несовместимых элементов, сформированных одним и тем же способом), а также точки сцепления систематизаций, формирующих ряды высказываний.

1 Батлер Джудит. Психика власти: теории субъекции. Харьков. 2002.

2 Фуко Мишель. Археология знания. Санкт-Петербург. 2004.

3 Фуко Мишель. Археология знания. Санкт-Петербург. 2004.